

У 248
1299

ЧЕМУ МОГУТЪ СЛУЖИТЬ

ДУБОЧНЫЯ КАРТИНЫ.

Л. Блюммера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛЕОНИДА ДЕМИСА.

1859.

Чему могут служить лубочныя картинки //Типографія Леонида Демиса,
Санктпетербургъ, 1859
FB2: "gerado", 130868775528760000, version 1
UUID: {B903C260-22FA-4FBD-939B-54CA5008B179}
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Леонид Петрович Блюммер

Чему могут служить лубочные картинки

ЧЕМУ МОГУТЪ СЛУЖИТЬ ЛУБОЧНЫЯ КАРТИНКИ.

Замѣтки по поводу
современнаго вопроса о
народной грамотности и
народномъ образованіи.
Л. Блюммера.

Во многихъ отношеніяхъ онѣ (лубочныя картинки) любопытны и значительны, какъ произведенія народнаго гравированія, матерьялы для исторіи отечественныхъ художествъ, и какъ элементъ народности.

Снегиревъ.

Идея, какъ результатъ мышленія, не можетъ проникнуть въ массы народа, не будучи воплощена въ образъ, и притомъ болѣе или менѣе яркій. Въ свою очередь, какъ яркое представленіе идеи, этотъ образъ, прежде другихъ образовъ, прежде другихъ представленій, дружится съ памятью и фантазіею народа. Человѣкъ прежде всего за-

нялся выработкою идеи божества, потому-что это была *идея*, имѣвшая самый яркій, самый рельефный образъ — міръ, съ его необъятностью, съ его безконечнымъ разнообразіемъ. Это тѣмъ естественнѣе, что въ совокупности идеи и образа есть прообразъ челоѵка, съ его духовнымъ и физическимъ началами. Поэтому у грековъ, прежде Иліады и Одиссеи появились теогоническія поэмы; потому же у всѣхъ народовъ лирика получаетъ свое начало раньше сатиры (подъ лирикою и сатирою мы подразумѣваемъ не тѣ обособленныя понятія, которыя воплощаемъ мы въ нихъ въ наше время, а вообще положительное и отрицательное возрѣніе челоѵка на окружающее).

Примѣняя сказанное нами выше къ лубочнымъ картинамъ русскаго народа, мы имѣемъ полное право не согласиться съ мнѣніями г.г. Снегирева и Шевырева о религіозномъ элементѣ въ русской жизни и въ русской живописи. «Какъ религіозный элементъ, говоритъ г. Снегиревъ, преобладаетъ въ жизни русскаго народа, то и картинокъ, содержащихъ въ себѣ предметы нрав-

ственные и догматическіе, несравненно, больше, чѣмъ историческихъ(1).» «Христіанская религіозная жизнь, по словамъ г. академика Шевырева, была господствующею сферой бытія до-петровской Руси и все наше древнее или въ ней сосредоточивается, или отъ нея принимаетъ начало». Не только у русскаго народа, но и у всего живущаго, къ которому можно прибавить слово «человѣческое», всегда представляется и представлялось подобное явленіе: не только въ до-петровской Руси, но и въ Руси по-петровской вѣчная идея въ образѣ, имѣетъ преимущество надъ временною и не всегда справедливою мыслию. Въ этомъ и есть существенное отличіе «человѣческаго» отъ «нечеловѣческаго», духа и плоти отъ одной плоти.

Лубочныя картинки русскаго народа имѣли своимъ содержаніемъ чаще религіозную идею потому, что таковы были историческія обстоятельства Россіи первыхъ временъ. Тогда не было науки, опыта, слѣдовательно все сосредоточивалось въ вѣрѣ, но сосредоточивалось не по исключительно-

сти религіознаго элемента(2), а потому, что историческія обстоятельства не давали хода другимъ началамъ: татарщина извнѣ и татарская холопщина внутри — куда плохая обстановка для смѣха, или для сатиры! Едва же обстоятельства становились лучше, — тотчасъ-же заявляли свое бытіе и другіе элементы — и появлялись «Похороны кота», которые многіе не безъ основанія относятъ къ эпохѣ Ивана IV. Кромѣ того, кому изъ занимающихся изслѣдованіями о лубочныхъ картинахъ русскаго народа не извѣстны «Татарская неволя», «Лихольтье» и «Семибоярщина»(3)! Намъ могутъ возразить тѣмъ, что первые сатирическіе листки, какъ думаютъ, привезены къ намъ нѣмцами и то не раньше царствованія Алексѣя Михайловича; но на это *никакихъ* положительныхъ фактовъ нѣтъ: лѣтописи и грамоты находили себѣ единственный азилумъ въ монастыряхъ; лубочныя же картинки съ сатирическимъ направленіемъ не имѣли и этого убѣжища, и поэтому, естественно, не могли сохраниться.

Впрочемъ, исключительно ли религіозный элементъ русскаго народа былъ причиною

появленія большаго числа лубочныхъ картинъ, имѣющихъ содержаніемъ образность идеи, чѣмъ историческія воспоминанія, какъ думаютъ гг. Снегиревъ и Шевыревъ, или самое существо предмета, какъ смѣемъ думать мы, — это вопросъ второстепенный(4). Главное то, что лубочныя картинки служили уже органомъ пропаганды идеи, а слѣдовательно могутъ имъ служить и теперь. Это, кажется, понимаютъ и понимали наши раскольники, составляющіе не одну только религіозную оппозицію, но также и соціальную: собирающій лубочныя картинки, конечно, не однажды имѣлъ въ своихъ рукахъ картинки съ общественнымъ значеніемъ, съ старо-русской точки зрѣнія. Да и что значитъ: «Какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣдню честь отдають сцеремоніемъ», и что былъ «престарѣлый котъ *казанскій*, уроженецъ *астраханскій*, имѣлъ разумъ *сибирскій* и пр.» И дальше — что составляютъ эти *черненькія* и *сѣренькія* мыши — мужескаго и женскаго пола? Такъ-ли себѣ картинку, или нѣчто, имѣющее смыслъ?

Дѣло другое, въ какой формѣ проявилось все это; какое отношеніе формы къ идеи.

Въ самомъ дѣлѣ, какую же роль играетъ въ этомъ случаѣ образъ? Какая-же его существенная принадлежность? его внѣшняя форма?

Конечно, образъ, какъ понятіе *служебное*, не можетъ играть главной роли: это ясно. Что же касается до формы образа, то тутъ есть только одно существенное условіе — *яркость*. Какъ не каждая идея прекрасна, такъ, естественно, и не каждый образъ прекрасенъ въ свою очередь: это, хотя и не безусловно, зависитъ отъ проявляемаго: иногда же конкретное проявляемое можетъ дать отрицательное проявленіе.

Все, сказанное нами выше, даетъ намъ право думать, что напрасно въ наше время, при распространеніи, или, вѣрнѣе, при желаніи распространенія всевозможныхъ челоѳческихъ идей въ народъ, не воспользуются лубочными картинками. Православная церковь вытерпѣла множество гоненій — изъ-за желанія сохранить иконы. Неужели отцы церкви были на столько фанатики, чт-

объ изъ-за одного пустаго упорства согласи-
лись претерпѣть различныя мученія и
гоненія? Нѣтъ, они знали, что иконы, идея въ
образности, имѣють огромное вліяніе на на-
родъ, служатъ вѣрнѣйшимъ проводникомъ
идеи, живымъ памятникомъ обстоятельствъ,
чтимыхъ этою церковью(5). Но смыслъ
христіанства такъ высокъ и отвлеченень, что
сами отцы церкви отказываются объяснить
нѣкоторыя проявленія его и сами придаютъ
имъ названіе «таинственныхъ», т. е. неудобопонятныхъ для простыхъ смертныхъ; ка-
кое-же вліяніе имѣють лубочныя картинки,
проводящія простыя, не «таинственныя»,
человѣческія идеи!! Къ тому же нѣкоторыя
изъ пропагандируемыхъ въ наше время идей
уже имѣють основаніе въ лубочной живописи.
Такъ, на примѣръ, по отношенію къ всѣмъ
желаемой трезвости простаго народа, стоитъ
только перепечатать въ большомъ коли-
чествѣ уже существующія картинки: «Разго-
воръ между пьянымъ и тверезымъ» (у Снеги-
рева означено подъ Б № 4), «Пьяницу, пропив-
шемъ и на похмѣльѣ продавшемъ дьяволу
свою душу» (Б № 3); «Изображеніе трехъ пья-

ныхъ, пропившихъ деньги» съ стихами

*Плачь безъ надежды,
Грусть безъ отрады,
Печаль безъ утѣхи (В № 2).*

«Пьяницу, утащенного изъ кружала дьяволомъ» (А № 16); «Картину слѣдствій пагубной сласти піанства» (А № 17), съ слѣдующими знамѣнательными для нашего дня стихами:

*Аще содружится со мною великій
властелинъ
И его я учиню аки глупый поселян-
инъ,
Аще содружится со мною кая
власть
Постигнетъ ее лютая напасть.
Аще содружится со мною прото-
попъ
И онъ будетъ глупый пустопопъ...
Аще рабъ или холопъ со мною со-
дружится
То ремесло его вскорѣ погубится
Аще поселянинъ со мною содру-
жится
То все село его пусто учинится
И рости станетъ вмѣсто пшени-
цы, крапива*

*И онъ начнетъ желать вина и пи-
ва.*

Этому современному движенію уже появи-
ли откликъ. Съ октября 1858 года у насъ по-
явилось нѣсколько картинъ подобнаго
содержанія и, какъ мы слышали, имѣли
успѣхъ. На одной, напримѣръ, изображенъ
споръ водки съ табакомъ.

*Табакъ съ водкой разъ сошлся
И спорить крѣпко принялся,
Водка себѣ выхваляетъ,
Носъ свой къверху задираетъ
Я говоритъ отъ горя избавлю
Веселостей кучу доставлю,
Плясать, въ несчастьи заставлю
Отъ болезней многихъ сохраню...*

На что табакъ «руки въ бокъ подперши,
гордо» отвѣчаетъ:

*Ишь какъ носъ задираешь,
Бѣдняковъ раззоряешь.
Деньги по горстямъ берешь,
А куража не даешь;...
Тебя бѣдняки оставляютъ
Напропалую ругаютъ.*

На другой лубочной картинкѣ, имѣющей

ту же цѣль, передѣланы стихи «Соловей мой, соловей».

«Еремѣй мой Еремѣй
Разпрекрасный молодой
Ты куда куда идешь.
Куда пьяница ползешь
Я ползу ползу ползу,
На выхожія мѣста (2)
Во ракитовы куста.
Какъ бы кустикъ былъ не милъ
Ябъ туда спать не ходилъ
Какъ бы ты мнѣ не мила
То не пилъ бы водку я
Вишь какъ я тебя люблю
На нагахъ ужъ не стою.
Ахъ Еремушка ты мой
Какъ довольна я тобой
Я сама те услужу
За волосья ухвачу
Полость къ кустамъ помогу
Еремушки дураку
Не кричи ну, ну, ползи
И любовь мою пойми
Какъ бы я тебя не знала
Дуракомъ не называла
Какъ бы я-те не любила
За волосья бъ не тащила.

И дѣйствительно, она его «любя» удивительно ловко тащить «за волосы».

Малороссійская народная пѣсня и литература также даетъ много матеріаловъ для этого дѣла. Мы не будемъ приводить большихъ примѣровъ; но, чтобы подтвердить наши слова, выписываемъ нѣсколько строкъ изъ извѣстной думы о казацкой жизни:

*Гей корчмо, корчмо — княгине!
Чомъ-то въ тобі — козацького
добра богато гине?
И сама еси неошатно ходишь,
И насъ, козаківъ нетягъ, підъ слу-
ай безъ свитокъ водишь!*

Изъ этого мы видимъ, что многое только стоитъ поддержать, и что многое даже и поддержки не требуетъ, потому-что, повторимъ слова г. Снегирева, составляетъ «элементъ народности».

Впрочемъ, этимъ мы указали только на одну сторону приложенія лубочныхъ картинъ къ современной общественной жизни; но этимъ далеко не исчерпывается наша задача. Кромѣ распространенія въ народѣ здоровыхъ общественныхъ идей, мы заняты въ настоя-

щее время его грамотностью, ознакомленіемъ его съ лучшими проявленіями русской духовной жизни; съ заповѣдными русскими пѣснями; съ тѣми поэтическими созданіями русскаго генія, въ которыхъ зерно народности глубоко вкоренилось, или даже составляетъ самое основаніе. Что же можетъ лучше лубочныхъ картинъ служить этому? На чемъ впервые русскій книжникъ пытается свое знаніе, свою грамотность — какъ не на нихъ? Отчего-же вмѣсто бессмысленныхъ надписей не печатаютъ лучшія русскія стихотворенія Пушкина, Кольцова, Дельвига, Цыганова, А. К. Толстаго, Некрасова? Тѣмъ болѣе, что даже и въ этомъ уже имѣются образцы; такъ, на примѣръ, существуютъ картинки къ стихотвореніямъ Кольцова: «Въ золотое время хмѣлемъ кудри вьются»; къ поэмѣ Лермантова «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова»; къ стихотворенію «Что печально глядишь, что на сердце тайшь?» къ баснѣ «Раздѣль» и еще къ нѣкоторымъ другимъ, и между прочимъ къ знаменитому романсу «Подъ вечеръ осе-

нью ненастной».

Къ сожалѣнію, по русскому обычаю, все это коверкается, уменьшается, прибавляется и т. д. Въ стихотвореніи «Что печально глядишь?» находится подобный куплетъ, состряпанный русскою безграмотностью:

*Не тоскуй, не горюй,
И по мнѣ слѣзь не лей
Потерпи милый другъ
Радость жизни моей
Пусть поможетъ лицо, (??)
Какъ по утру заря, (?)
Пусть сіяетъ любовь,
На устахъ у тебя*

Кончается эта пѣсня слѣдующими великолѣпными стихами:

*«Не тоскуй милый другъ
Не ломай белыхъ рукъ,
А прощай! Я сажусь
И къ родимой помчусь...*

Кольцовская пѣсня «Кудри» имѣетъ на лубочныхъ картинкахъ такой конецъ:

*Къ старикамъ на сходку
Выйдти приневолятъ
Старья лаптишки*

*Безъ онучь обуешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешъ
Бороду вскосматишъ
Шапку нахлобучишъ
Тихомолкомъ станешъ
За чужіе плечи
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья
Полюбить забота*

И далѣе — ничего.

Болѣе чѣмъ другимъ посчастливилось
«Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича».

Лубочныя картинки, изображающія малороссійскаго кобзаря, или запорожца, до сихъ-поръ встрѣчаются въ малорусскихъ хатахъ. Предметовъ изображенія не много: самъ казакъ, играющій на бандурѣ, пасущійся конь, и вдали повѣшенный къ верху ногами жидъ — «рандарь», или «мостивый панъ» полякъ. Подпись довольно длинная, но чтобы показать ея достоинство, мы приводимъ ее здѣсь вполнѣ, какъ образецъ малорусскихъ подписей, имѣющихъ общественное значеніе.

Дивися та гадай, та ба, не вгадаешъ,
Відкіль родомъ и якъ зовуть, ні
чичиркъ не визнаешъ.
Кому трапилось хоть разъ у сте-
пу гуляти,
То може той и прізвище мое уга-
дати.
Въ мене имя не одно, а есть їхъ до
ката:
Такъ зовуть, якъ набіжишъ на
якого свата.
Жидъ зъ біди за рідного батька по-
читає,
Милостивимъ добродіємъ Ляхъ
називає;
А ти якъ хочъ назови, на всё позво-
ляю,
Аби тільки не крамаремъ, бо за
те и полаю.

Відкіль я родомъ взявся на світі,
Всякій зъ васъ хоче знати
приміти.
Жінокъ въ Січі не має,
Всякъ те добре знає.
Хиба скажешъ — изъ риби родомъ,
Або съ пугача дідъ мій плодомъ.

Но въ томъ себе милишъ
И на криво цілишъ.
У насъ сугакові тільки сліди,
А дикуі кони намъ сусіди,
А Дніпрове стремя —
То наше племя.
Трохи Ляхва угадала,
Що лошака даровала.
Глянь на гербъ сей знаменитий, —
Вінъ висить на дубу обвитий.
Правда, якъ кінь въ степовій воли,
То такъ козакъ не безъ долі:
Куди схоче, туди скаче,
За козакомъ ніхто не заплаче.

Гай-гай! якъ я бувъ молодъ, що въ
міні була за сила!
Ляхівъ нещадно бьючи, рука и разъ
не зомліла.
А теперъ и вошъ дужча відъ Ляха
здаеця:
Плечи и нігти болять, якъ день
попобъесся.
Така-то, бачу, недовга літъ на-
шихъ година:
Скоро цвіте, скоро и вяне, якъ у
полі билина,
Хоча міні й не страшно на степу

вмирати,
Тільки жалко, що нікому буде по-
ховати:
Татаринъ цураеця, а Ляхъ не
приступить,
Хіба яка звірюка за ногу у байракъ
поцупить.
Та вжежъ пристарівшись на Русь
пійти мушу,
Ачей таки одпоминаютьъ попи
мою душу.
Тільки же міні не гоже на лаві
вмирати,
Бо ще мене бере охота зъ Ляхами
гуляти.
Хоча вже трохи й зледащівъ, да
ще чують плечи —
Кажетця, поборовся бъ ще зъ Ля-
хами съ речи,
Ачей би що-небудь перекинули для
смерті...
Або Жиду, або Ляху мушу носа
втерти.
Ище бъ прогнавъ Ляхви хоруговъ
за Вислу не трохи,
Разлетілись би вони всі, якъ одъ
пожару блохи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что новаго

сдѣлать остается очень мало: нужно только продолжать начатое, сдѣлавъ нѣкоторыя улучшенія. Но необходимо также помнить, что первое условіе — яркость въ изображеніи идеи и яркость въ формѣ изображенія. Многимъ, конечно, можетъ показаться страннымъ наше требованіе оставить въ лубочныхъ картинахъ нелѣпость пестроты, противную изящному вкусу; мы скажемъ на это, что наше убѣжденіе имѣетъ твердое и логическое основаніе. Мы не менѣе этихъ «многихъ» любимъ изящное и желаемъ, чтобы въ фактурѣ лубочныхъ картинъ были сдѣланы многія улучшенія; но мы не забываемъ, что русскій народъ до того сроднился съ «сѣрымъ» небомъ, полемъ, армякомъ, съ «сѣрою» — долею и бумагою, что предпочитаетъ «Англинскаго милорда Георга», напечатаннаго на непростительной оберточной бумагѣ, напечатанному на бумагѣ порядочной, хотя въ цѣнѣ нѣтъ разницы, хотя онъ, на какой бы тамъ бумагѣ и ни было напечатано, ничего не пойметъ изъ того, что «жилъ-былъ въ гишпанскомъ государствѣ король Брамбеусъ».

Наблюдая за движеніемъ лубочной лите-

ратуры и живописи, мы смѣло говоримъ, что это дѣло крайне выгодное, и потому считаемъ возможнымъ и выгоднымъ людямъ, любящимъ грамотную простую Русь, заняться изданіемъ лубочныхъ картинъ, именно въ цѣляхъ: распространить грамотность, ознакомить съ лучшими (въ народномъ смыслѣ) произведеніями русскихъ поэтовъ, сохранить въ памяти и устахъ народа народныя русскія пѣсни и распространить здравыя человѣческія идеи. Этому— лубочныя картинки — лучше слуги: изъ Москвы и ея окружностей съ XVIII столѣтія офени разносятъ во всѣ концы Россіи эти крашенные листы; въ XVIII столѣтіи изъ печатальнь купцовъ Ахметьевыхъ, Артемьевыхъ, а въ наши дни изъ литографій и металлографій Лонгиновыхъ, Кузнецовыхъ, Абрамовыхъ, Шараповыхъ и др; носятъ офени ихъ и въ холодную Сибирь, и въ «лановую» Украину, гдѣ такъ же какъ въ Сибири, величаютъ ихъ «панками», носятъ и въ Осташковъ, гдѣ имя имъ — «богатыри», вѣроятно потому, что на этихъ листахъ часто видишь старо-русскихъ героевъ и quasi-героевъ нашихъ дней.

О лубочныхъ картинахъ русскаго народа. Соч.
И. Снегирева М. 1844 ст. 12.

[^^^]

О религіозности, тѣмъ болѣе исключительной, правильнѣе другихъ говорилъ Бѣлинскій въ своей Перепискѣ съ Гоголемъ.

[^^^]

Вотъ, между прочимъ замѣтка г. Буслаева по этому предмету: «Даже въ концѣ XII вѣка простой народъ еще такъ былъ далекъ отъ сочувствіе религіознымъ идеямъ, которыми исполнена тогдашняя литература, что въ самыхъ основахъ своей жизни, въ бытѣ семьянамъ, держался до христіанской старины.» Рус. вѣст. 1857 г. № 15.

[^^^]

«Отсутствіе свѣтской литературы у народа, принявшаго христіанскую вѣру, еще не свидѣтельствуеъ о духовномъ направленіи его умственной дѣятельности.» Пр. Буслаевъ Рус. вѣст. № 15. 1857 г.

[^^^]

5

Древніє русскіє художники символізировали мѣста Св. Писанія. Подъ видомъ *Зимы* и *Весны* символізировалось іудейство и христіанство; подъ видомъ дѣвицы — пустыня.

[^^^]